Константин А. Богданов

Пунктуация как мотив:

МНОГОТОЧИЕ И ТИРЕ

Konstantin A. Bogdanov

Punctuation as a Motif: Ellipsis and Dashes

Константин А. Богданов (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; ведущий научный сотрудник Центра теоретико-литературных и междисциплинарных исследований; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), профессор департамента филологии; доктор филологических наук) konstantin.a.bogdanov@gmail.com.

Ключевые слова: мотив, мотивация, теория литературы, антропология литературы

УДК: 82.0 + 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_241

Статья посвящена экспрессивной пунктуации — знакам многоточия и тире — в текстах Н.М. Карамзина, его последователей и критиков, а также в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Цель этого обзора — прояснение обстоятельств использования и восприятия графических знаков препинания в качестве содержательно мотивированного приема и, соответственно, мотива.

Konstantin A. Bogdanov (Dr. habil.; Lead Researcher, Literary Theory and Interdisciplinary Research Center, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences / Professor, Department of Philology, St. Petersburg School of Social Sciences and Humanities, HSE University (Saint Petersburg)) konstantin.a.bogdanov@gmail.com.

Key words: motif, motivation, theory of literature, anthropology of literature

UDC: 82.0 + 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_241

This article is on expressive punctuation — ellipses and dashes — in the texts of Nikolai Karamzin, his followers, and critics, as well as in Alexander Pushkin's Eugene Onegin. The purpose of this review is to clarify the circumstances of the use and perception of graphic punctuation marks as a meaningfully motivated device and, by extension, a motif.

В работах Юрия Чумакова о поэтике «Евгения Онегина» одним из существенных элементов пушкинского текста объявлялись «пропущенные строфы» и стихи, отмеченные в первом случае прибавлением одной или нескольких цифр к номеру существующей строфы и (выборочно) тройным рядом отточий, а во втором — многоточиями, соответствующими числу пропущенных строк. Читателю, по мнению исследователя, следует считаться с наличием этих пустот как указанием на «существование вероятностного текста ЕО» и, соответственно, безмерную глубину самого романа — ведь «знак неизвестного текста семантически весомее, чем его словесное раскрытие» [Чумаков 1999: 17]¹.

Автор ссылается здесь же на мнение Ю.Н. Тынянова, видевшего в «пропущенных» строфах и стихах романа «напряжение нерастраченных динамических элементов». См. в этой связи лингвистические суждения о многоточиях, позиция которых «в составе предложения и целого текста непредсказуема. Они не могут быть определены четкими правилами, поскольку не связаны с грамматикой текста, с построением синтаксических конструкций, а всецело подчинены эмоциональной и содержательной стороне речи» [Валгина 2004: 132]. Но многоточие способно дезориентировать еще

Стремление видеть в «пропущенных» строфах и стихах «Евгения Онегина» структурно значимую особенность пушкинского произведения, а фактически один из его мотивов обнаруживает между тем парадоксы не столько авторской интенции, сколько читательской рецепции — поскольку известно, что почти все «вакантные» строки последнего прижизненного издания романа 1837 года восстанавливаются на основании отдельно (и тоже прижизненно) изданных четвертой и пятой глав «Евгения Онегина» (1828) и ставших позднее доступных черновых рукописей. Таким образом, из всех типографически «отсутствующих» 294 стихов издания 1837 года современному читателю неизвестны только четыре строфы, или 56 стихов². Отсутствие этих строф (39— 41-й строфы 1-й главы и 39-й строфы 7-й главы) расценивается комментаторами соответственно так: «Не исключено, что пропущенные строфы есть фикция, несущая некоторую мелодическую нагрузку — это обманная задумчивость, придуманный трепет сердца, мираж моря чувств, ложное многоточие ложной недосказанности»; «возможно, ложный пропуск, имитирующий пропуск автором потока банальных впечатлений» [Набоков 1998: 185, 511]; «пропуск имеет структурно-композиционный смысл, создавая с одной стороны, временной промежуток, необходимый для обоснования изменений в характере героя, а с другой — эффект противоречивого сочетания подробного повествования («болтовни», по определению Пушкина) и фрагментарности»; «сдвоенный номер строфы не означает реального пропуска каких-либо стихов — он создает некое временное пространство, поскольку между временем данной строфы и предшествующей прошел "час-другой"» [Лотман 1983: 166, 328].

Стоит заметить, что сама возможность в объяснении тех причин, которыми руководствовался Пушкин, обозначавший стихотворные «пропуски» в издании своего романа, определяется прежде всего тем, что последние оформлены типографически — это пропуски в последовательности цифровой нумерации строф и сопутствующий им знак многоточия. Остается удивляться, что ни в одном из комментариев этому обстоятельству не уделяется сколь-либо отдельного внимания, между тем вопрос о правилах пунктуации имел ко времени написания пушкинского текста не только научно-педагогическую, но также эмоционально-стилистическую и собственно литературную предысторию. Сам Пушкин не без иронии упоминал о «пропущенных» строфах своего романа в предисловии к отдельному изданию 8-й главы (1832 года, перепечатанном в издании 1837 года): «Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию и насмешкам (впрочем, весьма справедливым и остроумным)». Два примера таких «порицаний» приводит Лотман — отрывок из письма Александра Грибоедова к Фаддею Булгарину и пародию Павла Яковлева, в которых иронически обыгрывалась латинская нумерация отсутствую-

и потому, что за ним могут стоять не паузы со значением тех или иных эмоций, а «лишь идеи этих пауз» [Абакумов 1950: 21]. Общий обзор использования многоточия в русской литературе приводит к выводу, что в «пособиях по пунктуации в общей сложности зафиксировано всего 11 функций многоточия, но реальный узус показывает, что знак обладает гораздо большим количеством функций» [Копылова 2000: 169]. Типографские «пропуски» в издании 1837 года: 9-я, 13-я, 39—41-я строфы 1-й главы; 9—14 стихи в 8-й строфе 2-й главы; 9—14 стихи в 3-й строфе 3-й главы; 1—6-я, 36-я строфы 4-й главы; 37-я, 38-я строфы 5-й главы; 15-я, 16-я, 38-я строфы 6-й главы; 8-я, 39-я строфы 7-й главы; 5—14-й стихи во 2-й строфе и 9—14-й стихи в 25-й строфе 8-й главы.

щих строф и глав [Там же: 166]. Многоточие в этих примерах не упоминается, но его присутствие в тексте «Евгения Онегина» вполне могло давать повод к такому же «порицанию», недвусмысленно отсылая к традиции литературного сентиментализма.

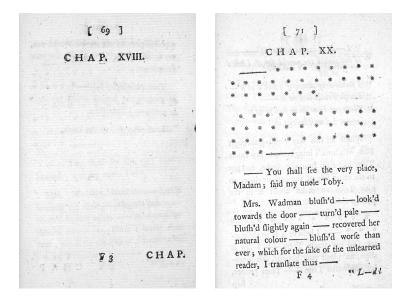
К 1810-м годам эта традиция — в ретроспективе уже сравнительно многочисленных произведений сентиментального жанра — все еще остается на пике читательского спроса [Пашкуров 2010]3, но по мере нарастающей инерции сюжетных и стилистических повторений становится все более опознаваемой и привычной мишенью для критики и пародирования [Арзуманова 1964; Иванов 2006; Кочеткова 1994: 255-257]. Интересно, что одной из примет этой критики выступает критика сентиментальной пунктуации — нагромождение знаков препинания, призванных графически передать эмоциональный спектр, который к этому времени привычно связывается с эстетикой и этикой сентиментализма: необоримой меланхолией, слезливостью, экзальтацией и недостаточностью слов для выражения чувств и мимолетных мыслей [Щецова 2013]. Для современников Пушкина эталонным образцом русского литературного сентиментализма была «Бедная Лиза» Николая Карамзина (1792), давшая старт многочисленным подражаниям и переподражаниям, в которых горестные истории о несчастной любви, сердечной верности и коварстве графически пестрели прежде всего тире и многоточиями.

У Карамзина использование этих знаков видится осознанным приемом литературного стиля, стремившегося придать литературному тексту силу переживания, не укладывающегося в границы синтаксиса, формализующего высказывание его логическим завершением [Иванова 1979; Лотман, Успенский 1984: 520; Шапиро 1955]. История «Бедной Лизы» — история равно рассказанная и недосказанная: читатель, вынужденный останавливаться по ходу авторского изложения, волен только догадываться обо всем, что произошло за текстом, — и это произошедшее, конечно, значительнее всего того, что можно было бы о нем сказать. Само чтение литературы оказывается при этом таким чтением, которое подразумевает жизнь героев за границами текста и вместе с тем олитературивает саму жизнь, наделяет ее литературными темами и мотивами [Wolpers 1986].

Интересно, что лапидарность прозы Карамзина и его последователей позднее будет оцениваться как оборотная сторона необязательного многословия: так, например, по мнению Константина Аксакова, проза Карамзина и его литературных единомышленников «является какой-то бесконечной плетеницей, слова подбираются нужные и ненужные к слову ближайшему, и карамзинский писатель мог бы, кажется, говорить или вести речь целый век, если бы его не остановили или бы сам он не думал остановиться. Конца в составе речи карамзинской нет» [Аксаков 1977: 107]. Недоброжелательное суждение Аксакова примечательно тем, что оно высказано тогда (в 1848 году), когда в русской литературе снова появляются тексты, несопоставимо более обширные и громоздкие, чем короткие тексты Карамзина. Длинноты текстов видятся отныне иными: современная Аксакову литература призвана проговаривать то, о чем сентиментальная литература только обещает сказать, но никогда не говорит достаточно. Нарративная краткость оказывается дискурсивно (и коммуникативно) бесконечной.

³ Более того: в 1812—1814 годах внимание к традиции сентиментализма приобретает своего рода идеологический характер — «последовательное чтение истории и политики на языке сентиментальной литературы» [Майофис 2008: 56].

Трудно сказать, на кого именно ориентировался Карамзин в выработке своего литературного стиля (помимо общего контекста европейского сентиментализма, объединявшего таких разных, но важных для него авторов, как Сэмюэл Ричардсон, Лоренс Стерн, Жан-Жак Руссо, Соломон Гесснер, графиня де Жанлис) [Виноградов 1966; Сорокин 1994]⁴. В использовании тире он вполне мог следовать Ричардсону — страницы книг которого — «Памела, или Вознагражденная добродетель» (1740) и «Кларисса, или История молодой леди» (1749) — выделялись непривычным обилием тире. В еще большей степени это относится к Стерну: изощренная пунктуация в «Тристраме Шенди» (1759—1767) — длинные многократные тире, надстрочные звездочки, «пропущенные» главы, обозначенные римскими цифрами, разноцветные страницы типографского текста — стала приметой новаторского эксперимента, радикально изменившего представление о визуальной стилистике литературного повествования (ил. 1) [Moss 1981—1982; Levenston 1992: 72—74]⁵.

Ил. 1. Страницы первого издания романа Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентельмена» (Лондон, 1759—1767)

5

⁴ О роли европейской литературы в творчестве Карамзина см.: [Алпатова 2012; Канунова 1975; Кафанова 1982; Кросс 1969; Сиповский 1910: 491—512].

Занятно, что еще один автор, который несомненно произвел сильное впечатление на Карамзина, — Генри Филдинг, автор романа «История Тома Джонса, найденыша» (1749) (о тематических параллелях между романом Филдинга и «Бедной Лизой» Карамзина см.: [Дятлова 2019]), — был противником именно тире, всячески критикуя и исправляя их в прозе своей сестры Сары Филдинг, использовавшей тире в сентиментальном романе «The Adventures of David Simple» (1744), по его мнению, эмоционально избыточно и безграмотно, и убрав их из второго издания романа (808 тире в первом издании — 81 тире во втором), вышедшего под его редакцией в том же году [Вагсhas 2003: 153—172]. Не исключено, что редактура Филдинга, последовательно избегавшего тире в собственных текстах, объяснялась его неприязнью именно к Ричардсону, из-за чего он и устранял из романа сестры какие-либо следы «пунктуационного влияния» на нее его главного литературного противника [Sabor 1998: XXIX].

Карамзин, не устававший возносить похвалы Стерну, едва ли прошел мимо этих нововведений. Но в содержательном следовании правилам русской пунктуации он также мог опираться на лекции и наставления своего университетского профессора (чрезвычайно чтимого им и близко с ним общавшегося) Антона Барсова [Кобаяси 1998; Успенский 1981]. Рукописная «Российская грамматика» Барсова (1788) стала первым языковедческим руководством, в котором тире (называемое здесь «молчанка» или «раиза») получило пунктуационно-семантическую и пунктуационно-произносительную нормативизацию. На письме «молчанка» длиннее, чем знак переноса («черта единитная иди единительная»).

Молчанка (Pausa) начатую речь прерывает, либо совсем, либо на малое время, для выражения жестокой страсти, либо для приготовления читателя к какому-нибудь чрезвычайному и неожиданному слову или действию в последствии, но больше всего служит она к разделению лиц разговаривающих, чтоб не иметь нужды именовать их при каждой перемене их в продолжающемся разговоре [Барсов 1981: 74].

При чтении вслух «молчанка», по Барсову, требует более долгой задержки речи, чем точка (обязывающая читателя сделать паузу, достаточную, чтобы сосчитать до четырех) [Там же: 76].

У Карамзина тире используется во всех перечисленных Барсовым значениях — но на письме и типографически он его еще более усложняет, делая его не только одиночным, но и двойным и даже тройным. В ряду знаков препинания Барсов не упоминает о многоточии, но Карамзин его также использует — в близком к тире значении пунктуационной эмфазы, как знак внезапного перерыва речи, недоговоренности и задумчивости. Количество точек в многоточии при этом варьирует, но обнаруживает и некоторую формализацию, когда оно (как и тире) связывается с междометием «ax!» и восклицательным знаком (междометие «ax!» — еще один графический и произносительный элемент «Бедной Лизы»: на 39 крупношрифтных страниц малого формата первой публикации повести оно употреблено 29 раз)7.

На фоне предшествующей русской литературной традиции работа Карамзина над текстом повести предстает реализацией принципа, который можно равно считать графическим и поэтическим: «зрительный» образ текста — избыточно оформленный вспомогательными знаками препинания — поддерживается обособлением фразовых фрагментов, которые уже тем самым наделяются неким дополнительным экспрессивным смыслом. Историко-лингвистический анализ поддерживает это впечатление, обнаруживая новаторство Карамзина не только в отборе и порядке используемых им слов, но и в преобразовании самих грамматических конструкций, подчиненных их предполагаемой соразмерности в границах того или иного текстового сегмента — будь это слова или фразы, со-

⁶ См., например, примечание Карамзина к переводу отрывка из «Тристрама Шенди»: «Стерн несравненный! В каком ученом университете научился ты столь нежно чувствовать? Какая риторика открыла тебе тайну двумя словами потрясать тончайшие фибры сердец наших? Какой музыкант так искусно звуками струн повелевает, как ты повелеваешь нашими чувствами?» [Карамзин 1964: 117].

⁷ Ср.: «Но вдруг вскочила и закричала: ax!..» (с. 248); «когда он приближился к ней с розовыми губами своими... ax! он поцеловал ее» (с. 255); «...Ax! Лиза, Лиза, где мать твоя?» (с. 263). Схожим образом «ax!» связывается с тире: «— ax! она помнила, что у нее был отец и что его не стало» (с. 244); «— Ax Эраст! я плакала!» (с. 262) [Ы 1792].

ставляющие абзац [Топоров 1995: 68—69, 77—78]⁸. В целом особенности пунктуационной графики в «Бедной Лизе» Карамзина создают эффект содержательно открытого, недосказанного повествования, связанного синтаксисом, который нарочито акцентирует выделение обращений, энергичное перечисление последовательных действий, обособление причастных и деепричастных оборотов, кульминационные паузы главных периодов — и уже поэтому придает самому повествованию ритмико-интонационный характер, схожий с выразительностью поэтического текста [Головченко 2016; Чупашева 1994]⁹.

Если учитывать при этом, что чтение литературных произведений вслух было более привычным для эпохи конца XVIII и первых десятилетий XIX века, чем чтение «про себя» [Рейтблат 2001: 30—35], то поэтическая выразительность чтения вслух повести Карамзина предстает еще более значимой, как пример поэтики и риторики, выражающей особенности непосредственной коммуникации — силу эмоционального взаимодействия, устанавливаемого между автором и его аудиторией, а также достижение сопереживания, которое, собственно, и определяло собою эстетику и этику сентиментализма — право на искренность чувств и голос сердца (ср.: [Sobol 2006]).

Для читателей «Бедной Лизы» стилистические и пунктуационные предпочтения Карамзина были особенно непривычны в сравнении с уже имевшимися к тому времени в русской литературе большими, часто многотомными, романами, отличавшимися исключительно подробным изложением приключенческого и/или любовного сюжета¹⁰. Те же предпочтения резко контрастировали с традицией торжественных од и поэтических панегириков, изобиловавших восклицательными («удивительными», по выражению Ломоносова) [Ломоносов 1952: 431] знаками, но никак не многоточиями и тире¹¹. Много лет спустя Николай Греч будет вспоминать о своем детстве в эпоху павловского правления и о своем первом наставнике в изучении языков: «Литературные познания моего учителя, Дмитрия Михайловича Кудлая, франта и модника, были очень ограничены. Он читал с восторгом "Бедную Лизу" и любил везде ставить тире, в подражание модному тогда Карамзину» [Греч 1930: 168].

В подражании Карамзину ревнители связываемого с ним «нового слога» утрировали как лексику, так и стилистику сентиментализма — и, в частности, его пунктуационные приметы. Издатель журнала «Цветник» Александр Измайлов в 1810 году характерно иронизировал на его страницах над «сентиментальноплаксивыми писателями», для которых «нет ничего легче, [чем] ставить тире», и пародийно описывал кабинет одного из таких писателей с реестром «разных

⁸ См. также: [Байкова 1967; Хютль-Фольтер 1997].

⁹ В.Н. Топоров, усмотревший в «Бедной Лизе» преимущественно «дактилический ритм», оговаривается, что «в принципе» повесть Карамзина «столь же дактилична, сколь ямбична и хореична. Само соотношение ритмов в этом случае, строго говоря, не показательно» [Топоров 1995: 72, 69].

¹⁰ О лексико-стилистическом «перевороте», произведенным Карамзиным в истории русского романа, см.: [Скипина 1926: 13—22, 28—31].

¹¹ См. запись А.И. Тургенева в дневнике от 31 июля 1803 года: «Ввечеру целый час проговорил со Шлецером и — о чем же? О Ломоносове и Карамзине. <...> Разница видна, примолвил с усмешкой Шлецер, и в числе точек и тире, попадающихся на странице сих двух авторов. У одного вряд на целой странице увидишь более трех периодов и, следовательно, трех точек, у второго — десять и более, не считая тире и восклицательных знаков» [Архив 1911: 243].

сочинений, которые он намерен выдать в свет», одно из них — «Рассуждение о точках и тиретах» 12 . Пристрастию к тире и многоточиям верен также герой сатирической «Исповеди бедного стихотворца» (1814), приписываемой юному Пушкину.

Там можешь, батюшка, прочесть на каждой строчке «Увы!», и «се», и «ах», «мой Бог!», тире да точки [Пушкин 1999: 313]¹³.

Язвительные насмешки по адресу сентиментального лексикона вкупе с сопутствующей ему пунктуацией остаются актуальными и в последующие годы — пока и сам этот лексикон остается востребованным у читателей, воспитанных на Карамзине. Епископ Евгений (Евфимий Болховитинов) не случайно пенял Державину, едва ли не единственному из поэтов старой школы, кто приветствовал карамзинское направление, что тот злоупотребляет тире¹⁴. Еще более оправданно те же упреки могли быть адресованы Алексею Мерзлякову — популярному поэту и профессору-словеснику, одному из самых деятельных членов Общества любителей российской словесности при Московском университете, многочисленные произведения которого не обходились без постраничных тире и многоточия. О принципиальности такой пунктуации для самого Мерзлякова можно судить по его переводам античной поэзии и особенно «Идиллий госпожи Дезульер» (Antoinette Des Houlières), изданных отдельным сборником (1807), который буквально изобилует экспрессивной пунктуацией, отсутствующей в оригинальном тексте (ил. 2) [Дезульер 1807]¹⁵.

Михаил Погодин, прочитавший в 1820 году торжественную оду юного ученика Мерзлякова Федора Тютчева «Урания», оставил дневниковую запись о прочитанном:

Каждый стих отдельно хорош, а все вместе составляют такую бестолковщину, какой примера редко найти можно. Я вспомнил слова Кубарева: Если у... наших поэтов отнять было право ставить тиреты и точки во множестве, то у нас по крайней мере в пятеро было бы менее стихотворений. Нет ничего справедливее этого. Теперь поставят несколько... точек, потом совсем другая мысль без всякого отношения к предыдущей, и ничего сказать нельзя против, потому что не понимаешь (цит. по: [Рогов 1999])¹⁶.

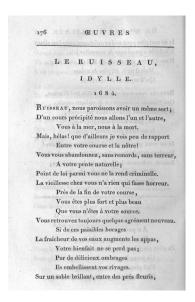
¹² Журнал «Цветник» за 1810 год (№ 2. С. 249; № 5. С. 230; цит. по: [Горшков 1982: 231—232]).

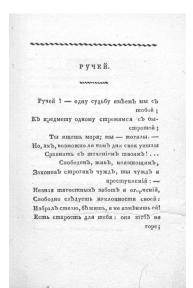
¹³ Известно по копии в сборнике С.А. Соболевского. Обоснование авторства Пушкина см.: [Цявловский 1930].

^{4 «}Еще скажу вам, что в сочинении вашем часто слог слишком отрывен и инде нет связи мыслей и замечаний. Нужно сии места посвязать, а линеечки (тиреты) многие выключить» [Переписка 1868: 85].

¹⁵ Во французских изданиях, которыми мог пользоваться Мерзляков (например: Oeuvres de Madame des Houlieres. Т. 1. Paris: Desray, 1798), многоточия единичны, а тире отсутствуют вовсе. У Мерзлякова и те, и другие постраничны (зачастую через однудве строки).

Запись от 26 июля. «Урания» была прочитана Тютчевым на торжественном собрании Московского университета 6 июля 1820 года, на котором присутствовал и Погодин. Прочитать — и, соответственно, увидеть количество тире и многоточий он мог по одновременным изданиям (см.: [Речи 1820: 1—6]; тогда же напечатана отдельным оттиском с титульным листом в типографии Московского университета).

Ил. 2. Идиллия «Ручей» Дезульер в издании «Oeuvres de Madame des Houlieres» (Paris: Desray, 1798) и ее перевод в сборнике: [Дезульер 1807].

Основания для критики у Погодина были: на 194 стиха «Урании» насчитывается 26 многоточий и 39 тире. Новомодная пунктуация раздражала и Александра Шишкова, давнишнего оппонента Карамзина и его литературных единомышленников. В 1821 году в письме к И.И. Дмитриеву он критикует перевод Вергилия, выполненный Семеном Раичем (который, как и Мерзляков, был университетским наставником Тютчева), и особенно негодует на встречающиеся в нем тире: «Черточки (тире) есть также новое изобретение, показующее больше упадок, нежели возвышение ума. Оне, сколько их не наставь, не прибавляют ничего к ясности смысла и силе выражения» [Письма 1867: 10]¹⁷.

В вышедшем в том же году «Словаре древней и новой поэзии» Николая Остолопова понятие «удержание» (reticentia, aposiopesis) объяснялось как пропуск («выпуск»), обозначенный на письме многоточием, «одного или многих слов, необходимых в предложении по словосочинению». «У новейших наших стихотворцев, — замечалось здесь же, — фигура сия в большом употреблении». «Однако ж надлежит наблюдать, чтобы такие выпуски не затмевали смысла» [Остолопов 1821: 435].

Литературно-поэтическая практика в употреблении многоточия и тире со временем уравновешивается их ученой нормативизацией. В 1820—1830-е годы об их надлежащем употреблении пишут филологи Евграф Филомафитский (расценивавший тире как наименее значимый и малообязательный знак препинания, а многоточие — как знак вообще лишний и подлежащий исключению из грамматики) [Филомафитский 1822], Александр Востоков, определявший многоточие как знак «пресекательный», а тире — как знак «мысле-

¹⁷ Письмо от 13 сентября 1821 г.

отделительный» [Востоков 1831: 318]¹⁸, и упоминавшийся выше Николай Греч, полагавший оба эти знака «вспомогательными» «в случае недостаточности прочих знаков» — с тем, впрочем, различием, что многоточием «означается неожиданное прерывание речи», а тире — «между периодами, окончанными точкою, для показания, что они не состоят в логической между собою связи» и «при всяком неожиданном переходе в предложении» [Греч 1834: 512, 524].

Обращение к пунктуации во всех этих случаях интересно в том отношении, что и многоточие, и тире указывают на эмфатические особенности текста — на логические сбои в синтагматической последовательности, содержательные разрывы и остановки в повествовании. Но, как выясняется, и такие графические приемы, отсылающие прежде всего к умолчаниям и недосказанности, могут восприниматься как знаки эмоционально значимых мотивов и/или мотиваций.

Библиография / References

- [Абакумов 1950] *Абакумов С.И.* Методика пунктуации. 2-е изд. М.: Изд-во Акад. пед. РСФСР, 1950.
- (Abakumov S.I. Metodika punktuatsii. 2nd ed. Moscow, 1950.)
- [Аксаков 1977] *Аксаков К.С.* О Карамзине. Речь, написанная для произнесения пред Симбирским дворянством (1848) // Русская литература. 1977. № 3. С. 102—
- (Aksakov K.S. O Karamzine. Rech', napisannaya dlya proizneseniya pred Simbirskim dvoryanstvom (1848) // Russkaya literatura. 1977. № 3. P. 102—110.)
- [Алпатова 2012] Алпатова Т. Диалог Н.М. Карамзина с литературной традицией Л. Стерна на страницах «Писем русского путешественника» (приемы художественного конструирования «стернианского сюжета») // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica. 2012. № 5. С. 9—20.
- (Alpatova T. Dialog N.M. Karamzina s literaturnoy traditsiey L. Sterna na stranitsakh "Pisem russkogo puteshestvennika" (priemy khudozhestvennogo konstruirovaniya "sternianskogo syuzheta") // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica. 2012. № 5. P. 9—20.)
- [Арзуманова 1964] *Арзуманова М.Л.* Русский сентиментализм в критике 90-х годов XVIII в. // Русская литература XVIII века: Эпоха классицизма / Под ред. П.Н. Бер-

- кова, И.З. Сермана. М.; Л.: Наука, 1964. С. 197—223.
- (Arzumanova M.L. Russkiy sentimentalizm v kritike 90-kh godov XVIII v. // Russkaya literatura XVIII veka: Epokha klassitsizma / Ed. by P.N. Berkov, I.Z. Serman. Moscow; Leningrad, 1964. P. 197—223.)
- [Архив 1911] Архив братьев Тургеневых. Письма и дневники А.И. Тургенева. Вып. 2. Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева Геттингенского периода (1802—1804 г.) и письма его к А.С. Кайсарову и братьям в Геттинген 1805—1811 г. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1911.
- (Arkhiv brat'ev Turgenevykh. Pis'ma i dnevniki A.I. Turgeneva. Iss. 2. Pis'ma i dnevnik Aleksandra Ivanovicha Turgeneva Gettingenskogo perioda (1802—1804) i pis'ma ego k A.S. Kaysarovu i brat'yam v Gettingen 1805—1811. Saint Petersburg, 1911.)
- [Байкова 1967] *Байкова Л.С.* Структура и стилистическая направленность бессоюзных предложений в языке Н.М. Карамзина. Таллин: Валгус, 1967.
- (Baykova L.S. Struktura i stilisticheskaya napravlennost' bessoyuznykh predlozheniy v yazyke N.M. Karamzina. Tallin, 1967.)
- [Барсов 1981] *Барсов А.* Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / Ред. Б. Успенский. М.: Изд-во Московского университета, 1981.

¹⁸ В последнем случае Востоков следует немецкому термину, обозначающему тире: Gedankenstrich.

- (Barsov A. Rossiyskaya grammatika Antona Alekseevicha Barsova / Ed. by B. Uspenskiy. Moscow, 1981.)
- [Валгина 2004] *Валгина Н.С.* Актуальные проблемы современной русской пунктуации. М.: Высшая школа, 2004.
- (Valgina N.S. Aktual'nye problemy sovremennoy russkoy punktuatsii. Moscow, 2004.)
- [Виноградов 1966] Виноградов В.В. О стиле Карамзина и его развитии (исправления текста повестей) // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина) / Ред. Ю.С. Сорокин. Л.; М.: Наука, 1966. С. 357—358.
- (Vinogradov V.V. O stile Karamzina i ego razvitii (ispravleniya teksta povestey) // Protsessy formirovaniya leksiki russkogo literaturnogo yazyka (ot Kantemira do Karamzina) / Ed. by Yu.S. Sorokin. Leningrad; Moscow, 1966. P. 357—358.)
- [Востоков 1831] *Востоков А.Х.* Русская грамматика. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1831.
- (Vostokov A.Kh. Russkaya grammatika. Saint Petersburg, 1831.)
- [Головченко 2016] Головченко Г.А. Ритм и интонация в характеристике образа героини в повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» // Язык. Словесность. Культура. 2016. Т. 6. № 6. С. 29—60.
- (Golovchenko G.A. Ritm i intonatsiya v kharakteristike obraza geroini v povesti N.M. Karamzina "Bednaya Liza" // Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura. 2016. Vol. 6. № 6. P. 29—60.)
- [Горшков 1982] *Горшков А.И.* Язык предпушкинской прозы. М.: Наука, 1982.
- (Gorshkov A.I. Yazyk predpushkinskoy prozy. Moscow, 1982.)
- [Греч 1834] *Греч Н*. Практическая русская грамматика. 2-е изд. СПб.: Тип. издателя, 1834 (1-е изд. 1827 год).
- (Grech N. Prakticheskaya russkaya grammatika. 2nd ed. Saint Petersburg, 1834 (1st ed. 1827).)
- [Греч 1930] *Греч Н.* Записки о моей жизни. М.; Л.: Academia, 1930.
- (Grech N. Zapiski o moey zhizni. Moscow; Leningrad, 1930.)
- [Дезульер 1807] *Дезульер А*. Идиллии госпожи Дезульер / Переведены А. Мерзляковым. М.: Тип. Платона Бекетова, 1807.
- (Deshoulières A. Oeuvres de madame Des Houlières. Moscow, 1807. In Russ.)
- [Дятлова 2019] Дятлова Н.И. Сопоставительный анализ романа Генри Филдинга «The History of Tom Jones, Foundling» и повести Николая Михайловича Карамзина «Бедная Лиза» // Лексикографическая копилка / Под ред. В.В. Гончаровой. СПб.: СПГЭУ, 2019. С. 56—64.

- (Dyatlova N.I. Sopostavitel'nyy analiz romana Genri Fildinga "The History of Tom Jones, Foundling" i povesti Nikolaya Mikhaylovicha Karamzina "Bednaya Liza" // Leksikograficheskaya kopilka / Ed. by V.V. Goncharova. Saint Petersburg, 2019. P. 56—64.)
- [Иванов 2006] Иванов Д. Почему ошибся Державин? Еще раз о комедии Шаховского «Новый Стерн» // Русская филология. 2006. № 17. С. 18—24.
- (Ivanov D. Pochemu oshibsya Derzhavin? Eshche raz o komedii Shakhovskogo "Novyy Stern" // Russkaya filologiya. 2006. № 17. P. 18—24.)
- [Иванова 1979] Иванова Н.Ф. О первоначальном употреблении тире в русской печати // Современная русская пунктуация / Ред. А.Б. Пеньковский, В.С. Шварцкопф, Т.М. Николаева и др. М.: Наука, 1979. С. 236—254.
- (Ivanova N.F. O pervonachal'nom upotreblenii tire v russkoy pechati // Sovremennaya russkaya punktuatsiya / Ed. by A.B. Pen'kovskiy, V.S. Shvartskopf, T.M. Nikolaeva. Moscow, 1979. P. 236—254.)
- [Канунова 1975] *Канунова Ф.З.* Карамзин и Стерн // Русская литература XVIII в. и ее международные связи. (XVIII век. Сб. 10) / Ред. И.З. Серман. Л.: Наука, 1975. С. 258—264.
- (Kanunova F.Z. Karamzin i Stern // Russkaya literatura XVIII v. i ee mezhdunarodnye svyazi. (XVIII vek. Sb. 10) / Ed. by I.Z. Serman. Leningrad, 1975. P. 258—264.)
- [Карамзин 1964] *Карамзин Н.М.* О Стерне (1792) // Карамзин Н.М. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2. М.; Л.: Художественная литература, 1964.
- (Karamzin N.M. O Sterne (1792) // Karamzin N.M. Izbrannye sochineniya: In 2 vols. Vol. 2. Moscow, Leningrad, 1964.)
- [Кафанова 1982] Кафанова О.Б. Н.М. Карамзин переводчик Жанлис (французская «нравоучительная сказка» и пути формирования русской сентиментальной повести) // Художественное творчество и литературный процесс / Отв. ред. Н.Н. Киселев. Томск, 1982. Вып. 4. С. 96—111.
- (Kafanova O.B. N.M. Karamzin perevodchik Zhanlis (frantsuzskaya "nravouchitel'naya skazka" i puti formirovaniya russkoy sentimental'noy povesti) // Khudozhestvennoe tvorchestvo i literaturnyy protsess / Ed. by N.N. Kiselev. Tomsk, 1982. Vol. 4. P. 96—111.)
- [Кобаяси 1998] *Кобаяси К*. А.А. Барсов и Н.М. Карамзин // Русская культура. 1998. № 5. С. 22—31.
- (Kobayasi K. A.A. Barsov i N.M. Karamzin // Russkaya kul'tura. 1998. № 5. P. 22—31.)

- [Копылова 2000] Копылова С.А. Функционирование многоточия в русских литературных текстах XVIII—XX веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
- (Kopylova S.A. Funktsionirovanie mnogotochiya v russkikh literaturnykh tekstakh XVIII—XX vekov: PhD thesis abstract. Moscow, 2000.)
- [Кочеткова 1994] *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания). СПб.: Наука, 1994.
- (Kochetkova N.D. Literatura russkogo sentimentalizma (Esteticheskie i khudozhestvennye iskaniya). Saint Petersburg, 1994.)
- [Кросс 1969] *Кросс А*. Разновидности идиллии в творчестве Карамзина // XVIII век. Сб. 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII начала XIX века / Под ред. П.Н. Беркова. Л.: Наука, 1969. С. 210—228.
- (Kross A. Raznovidnosti idillii v tvorchestve Karamzina // XVIII vek. Sb. 8. Derzhavin i Karamzin v literaturnom dvizhenii XVIII — nachala XIX veka / Ed. by P.N. Berkov. Leningrad, 1969. P. 210—228.)
- [Ломоносов 1952] Ломоносов М.В. Российская грамматика. § 134 // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. Труды по филологии 1739—1758 гг. / Ред. В. Виноградов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 389—578.
- (Lomonosov M.V. Rossiyskaya grammatika. § 134 // Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochineniy: In 10 vols. Vol. 7. Trudy po filologii 1739— 1758 gg. / Ed. by V. Vinogradov. Moscow, Leningrad, 1952. P. 389—578.)
- [Лотман 1983] *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л.: Просвещение, 1983.
- (Lotman Yu.M. Roman A.S. Pushkina "Evgeniy One-gin". Kommentariy. Leningrad, 1983.)
- [Лотман, Успенский 1984] Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Текстологические принципы издания // Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника. М.: Наука, 1984.
- (Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A. Tekstologicheskie printsipy izdaniya // N.M. Karamzin. Pis'ma russkogo puteshestvennika. Moscow, 1984.)
- [Майофис 2008] *Майофис М.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизацонный проект 1815—1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- (Mayofis M. Vozzvanie k Evrope: Literaturnoe obshchestvo "Arzamas" i rossiyskiy modernizatsonnyy proekt 1815—1818 godov. Moscow, 2008.)
- [Набоков 1998] *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений

- Онегин» / Ред. перевода Н.М. Жутовская. СПб.: Искусство, 1998.
- (Nabokov V.V. Eugene Onegin. A novel in verse by Aleksander Pushkin. Translated from the Russian, with a commentary, by Vladimir Nabokow Saint Petersburg, 1998. — In Russ.)
- [Остолопов 1821] Остолопов Н. Словарь древней и новой поэзии: В 4 ч. Ч. 3. СПб.: Тип. Императорской Российской Академии, 1821.
- (Ostolopov N. Slovar' drevney i novoy poezii: In 4 pts. Pt. 3. Saint Petersburg, 1821.)
- [Пашкуров 2010] *Пашкуров А.Н.* Поздний русский сентиментализм: диалог идиллического и элегического. Казань: Издво Казан. ун-та, 2010.
- (Pashkurov A.N. Pozdniy russkiy sentimentalizm: dialog idillicheskogo i elegicheskogo. Kazan', 2010.)
- [Переписка 1868] Переписка Евгения с Державиным: Чтение Я.К. Грота. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1868.
- (Perepiska Evgeniya s Derzhavinym: Chtenie Ya.K. Grota. Saint Petersburg, 1868.)
- [Письма 1867] Письма разных лиц к И.И. Дмитриеву. М.: Тип. Грачева и K° , 1867.
- (Pis'ma raznykh lits k I. l. Dmitrievu. Moscow, 1867.) [Пушкин 1999] — *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 1. СПб.: Наука, 1999.
- (*Pushkin A.S.* Polnoe sobranie sochineniy: In 20 vols. Vol. 1. Saint Petersburg, 1999.)
- [Рейтблат 2001] Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- (Reytblat A.I. Kak Pushkin vyshel v genii. Istorikosotsiologicheskie ocherki o knizhnoy kul'ture pushkinskoy epokhi. Moscow, 2001.)
- [Речи 1820] Речи и отчеты имп. Московского университета. М.: Унив. тип., 1820.
- (Rechi i otchety imp. Moskovskogo universiteta. Moscow, 1820.)
- [Рогов 1999] Рогов К. Вариации «Московского текста»: к истории отношений Ф.И. Тютчева и М.П. Погодина // Тютчевский сборник II. Тарту, 1999. С. 68—106 (https://www.ruthenia.ru/document/202591.html (дата обращения: 16.02.2022)).
- (Rogov K. Variatsii "Moskovskogo teksta": k istorii otnosheniy F.I. Tyutcheva i M.P. Pogodina // Tyutchevskiy sbornik II. Tartu, 1999. P. 68—106 (https://www.ruthenia.ru/document/202591. html (accessed: 16.02.2022)).)
- [Сиповский 1910] *Сиповский В.В.* Очерки из истории русского романа. Т. 1. Вып. 2 (XVIII в.). СПб.: Тип. Т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1910.

- (Sipovskiy V.V. Ocherki iz istorii russkogo romana. Vol. 1. Iss. 2 (XVIII c.). Saint Petersburg, 1910.)
- [Скипина 1926] *Скипина К.* О чувствительной повести // Русская проза / Под ред. Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова. Л.: Академия, 1926. С. 13—41.
- (Skipina K. O chuvstvitel'noy povesti // Russkaya proza / Ed. by B. Eykhenbaum and Yu. Tynyanov. Leningrad, 1926. P. 13—41.)
- [Сорокин 1994] Сорокин Ю.С. Язык и стиль карамзинской прозы в оценке современников и последующих поколений: 180 лет с начала споров вокруг «нового слога» // Очерки по стилистике русских литературно-художественных и научных произведений XVIII начала XIX в. / Ред. Ю.С. Сорокин, З.М.Петрова. СПб.: Наука, 1994. С. 16—57.
- (Sorokin Yu.S. Yazyk i stil' karamzinskoy prozy v otsenke sovremennikov i posleduyushchikh pokoleniy: 180 let s nachala sporov vokrug "novogo sloga" // Ocherki po stilistike russkikh literaturnokhudozhestvennykh i nauchnykh proizvedeniy XVIII nachala XIX v. / Ed. by Yu.S. Sorokin, Z.M. Petrova. Saint Petersburg, 1994. P. 16—57.)
- [Топоров 1995] *Топоров В.Н.* «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения. М.: РГГУ, 1995.
- (*Toporov V.N.* "Bednaya Liza" Karamzina. Opyt prochteniya. Moscow, 1995.)
- [Успенский 1981] Успенский Б.А. Предисловие // Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / Под ред. Б.А. Успенского. М.: Изд-во Московского университета, 1981. С. 13—15.
- (Uspenskiy B.A. Predislovie // Rossiyskaya grammatika Antona Alekseevicha Barsova / Ed. by B.A. Uspenskiy. Moscow, 1981. P. 13—15.)
- [Филомафитский 1822] Филомафитский Е. О знаках препинания вообще и в особенности для российской словесности // Труды общества любителей российской словесности. Ч. 2. М.: Унив. тип., 1822. С. 72—134.
- (Filomafitskiy E. O znakakh prepinaniya voobshche i v osobennosti dlya rossiyskoy slovesnosti // Trudy obshchestva lyubiteley rossiyskoy slovesnosti. Pt. 2. Moscow, 1822. P. 72—134.)
- [Хютль-Фольтер 1997] Хютль-Фольтер Г. Связи синтаксиса русского литературного языка с французским синтаксисом XVIII в. Порядок слов в «Письмах из Франции» Фонвизина и новый слог Карамзина // Wiener slavistisches Jahrbuch. 1997. Bd. 43. S. 103—114.
- (Hüttl-Folter G. Svyazi sintaksisa russkogo literaturnogo yazyka s frantsuzskim sintaksisom XVIII v. Poryadok slov v "Pis'makh iz Frantsii" Fonvizina i novyy slog Karamzina // Wiener

- slavistisches Jahrbuch. 1997. Bd. 43. S. 103—114.)
- [Цявловский 1930] *Цявловский М.* Забытое стихотворение Пушкина «Исповедь стихотворца» // Новый мир. 1930. № 4. С. 169—174.
- (Tsyavlovskiy M. Zabytoe stikhotvorenie Pushkina "Ispoved' stikhotvortsa" // Novyy mir. 1930. № 4. P. 169—174.)
- [Чумаков 1999] *Чумаков Ю.Н.* Стихотворная поэтика Пушкина. СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 1999.
- (Chumakov Yu.N. Stikhotvornaya poetika Pushkina. Saint Petersburg, 1999.)
- [Чупашева 1994] Чупашева О.М. О некоторых пунктуационных особенностях художественной прозы Н.М. Карамзина // Формирование норм русского литературного языка XVIII века. Ижевск: Удмурт. ун-т, 1994. С. 115—121.
- (Chupasheva O.M. O nekotorykh punktuatsionnykh osobennostyakh khudozhestvennoy prozy N.M. Karamzina // Formirovanie norm russkogo literaturnogo yazyka XVIII veka. Izhevsk, 1994. P. 115—121.)
- [Шапиро 1955] *Шапиро А.Б.* Основы русской пунктуации. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 139—147.
- (Shapiro A.B. Osnovy russkoy punktuatsii. Moscow, 1955. P. 139—147.)
- [Щецова 2013] Щецова Т.Г. Пародийное отражение пунктуационного узуса Н.М. Карамзина // Художественный текст: структура, семантика, стилистика: Сб. науч. ст. к юбилею Е.И. Дибровой / Отв. редактор Л.Г.Чапаева. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2013. С. 188—197.
- (Shchetsova T.G. Parodiynoe otrazhenie punktuatsionnogo uzusa N.M. Karamzina // Khudozhestvennyy tekst: struktura, semantika, stilistika: Sbornik nauchykh statey k yubileyu E.I. Dibrovoy / Ed. by L.G. Chapaeva. Moscow, 2013. P. 188—197.)
- [Ы 1792] Ы [Карамзин Н.М.] Бедная Лиза // Московский журнал. 1792. Ч. VI. Кн. 3. С. 238—277.
- (*bl [Karamzin N.M.*] Bednaya Liza // Moskovskiy zhurnal. 1792. Pt. VI. Bk. 3. P. 238—277.)
- [Barchas 2003] Barchas J. Graphic Design, Print Culture, and the Eighteenth-Century Novel. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- [Levenston 1992] Levenston E.A. The Stuff of Literature: Physical Aspects of Texts and Their Relation to Literary Meaning. New York: State University of New York, 1992.
- [Moss 1981—1982] Moss R.B. Sterne's Punctuation // Eighteenth-Century Studies. 1981—1982. Vol. 15. № 2. P. 179—200.

- [Sabor 1998] Sabor P. Introduction // Fielding S. The Adventures of David Simple and Volume the Last. Lexington: The University Press of Kentucky, 1998. P. VII—XXXVII.
- [Sobol 2006] Sobol V. Nerves, brain, or heart?

 The physiology of emotions and the mind —
 body problem in Russian sentimentalism //
 Russian Review. 2006. Vol. 65. № 1. P. 1—14.
- [Wolpers 1986] Wolpers Th. Zu Begriff und Geschichte des Motivs "Gelebte Literatur in der Literatur" // Gelebte Literatur in der Literatur: Studien zu Erscheinungsformen und Geschichte eines literarischen Motivs. Bericht über Kolloquien der Komission fur literaturwissenshaftliche Motiv- und Themenforschung 1983—1985 / Hrsg. von Th. Wolpers. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1986. P. 7—29.